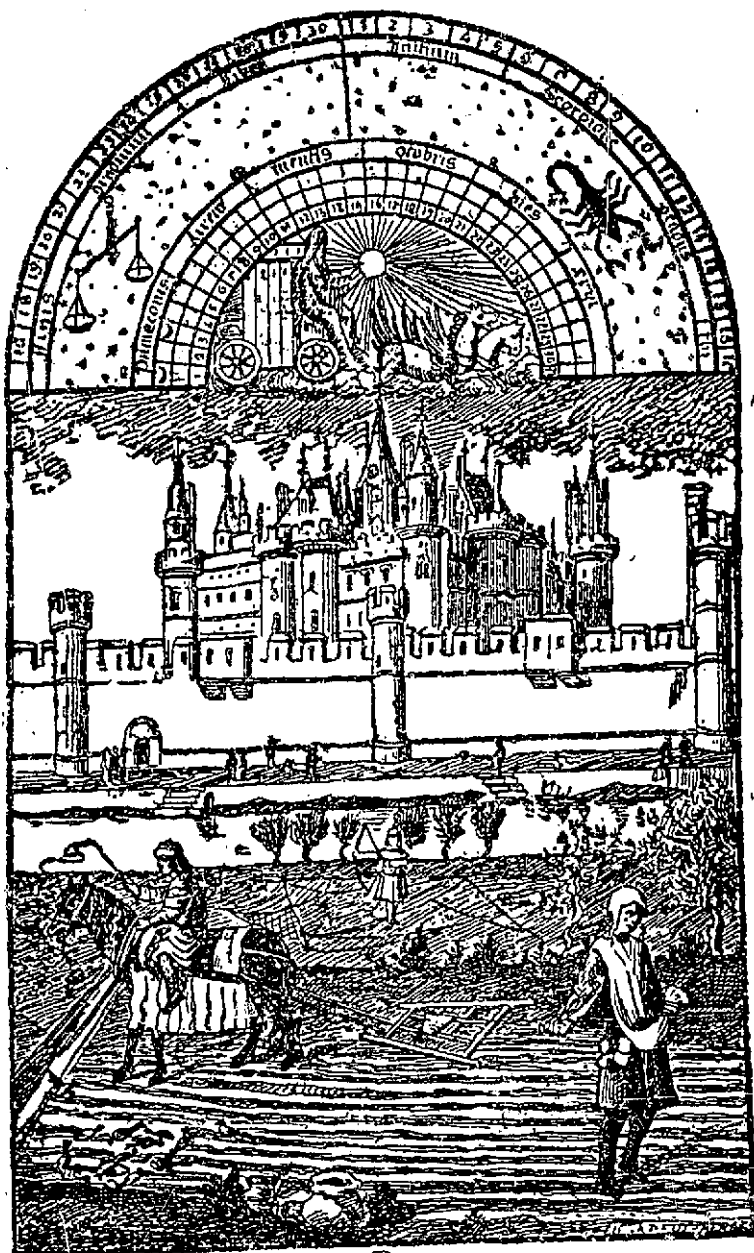

ВѢСЫ © АПРѢЛЬ © 1909.

La Balance. Avril. 1909.

Годъ изданія шестой. Sixième année.

Книгоиздательство «СКОРПИОНЪ»
Москва, Театральная пл., д. Метрополь, кв. 23.
Moscou, Place du Théâtre, n. Métropole, 23.

ГОГОЛЬ.

1.

Самая родная, намъ близкая, очаровывающая душу, и все же далекая, все еще не ясная для насъ, пѣсня—пѣсня Гоголя.

И самый страшный, за сердце хватающій смѣхъ, звучащій, будто смѣхъ съ погоста, и все же тревожащій насъ будто и мы мертвецы,— смѣхъ мертвеца, смѣхъ Гоголя!

„Затянутая вдаль пѣсня, пропадающій далече колокольный звонъ... горизонтъ безъ конца... Русь Русь! (Мертвыя души) и тутъ же, строкой выше—въ „поляхъ неоглядныхъ“ „солдатъ верхомъ на лошади, везущій зеленый ящикъ съ свинцовымъ горохомъ и подписью „такой-то артиллерійской баттареи“ („Мертвыя души“). Два зрѣнія, двѣ мысли; но и два творческихъ желанія; и вотъ одно: „Облечь ее въ мѣсячную чудную ночь и ея серебряное сіяніе, и въ теплое роскошное дыханіе юга. Облить ее сверкающимъ потокомъ солнечныхъ яркихъ лучей, и да исполнится она нестерпимаго блеска“. (Размышленіе „pro domo sua“ по поводу ненаписанной драмы). А другое желаніе заключалось въ томъ, чтобы „дернуть“ эдакъ многотомную исторію Малороссіи безъ всякихъ данныхъ на это.

„Глаза... съ пѣньемъ вторгавшіеся въ душу“ (Вій). Всадникъ „отдающійся“ (вмѣсто отражающійся) въ водахъ, (Страшная мѣсть) „Полночное сіянье... дымилось по землѣ (Вій). „Рубины усть... прикипали... къ сердцу“ (Вій). „Блестательная пѣсня соловья“ (Майская ночь). „Волосы, будто свѣтлосѣрый туманъ“ (Страшная мѣсть). „Дѣва свѣтится сквозь воду, какъ будто бы сквозь стеклянную рубашку (Страшная мѣсть). „Изъ глазъ вытягиваются клещи“. (Страшная мѣсть). „Дѣвушки... въ бѣлыхъ, какъ убранный ландышами лугъ, рубашкахъ“ и съ тѣлами „свайнными изъ облаковъ“, такъ что тѣла просвѣчивали мѣсяцемъ (Майская ночь). Быть можетъ, чрезъ мигъ ландышева бѣлизна ихъ рубашекъ станетъ стеклянной водой, проструится ручьемъ, а ручей изойдетъ дымомъ, или соборвется надъ камнемъ пылью у Гоголя, какъ валится у него сѣрой пылью вода (Страшная мѣсть), чтобы потомъ

засеребриться, какъ волчья шерсть (Страшная мѣсть), или подъ веслами сверкнуть, какъ изъ-подъ огнива огнемъ (Страшная мѣсть).

Что за образы? Изъ какихъ невозможностей они созданы? Все перемѣшано въ нихъ: цвѣта, ароматы, звуки. Гдѣ есть смѣлье сравненія, гдѣ художественная правда невѣроятнѣй? Бѣдные символы: еще доселѣ упрекаетъ ихъ критика за „голубые звуки“: но найдите мнѣ у Верлена, Рембо, Бодлера образы, которые были бы столь невѣроятны по своей смѣлости, какъ у Гоголя. Нѣтъ, вы не найдете ихъ: а, между тѣмъ, Гоголя читаютъ, и не видятъ, не видятъ доселѣ, что нѣтъ въ словарѣ у насъ слова, чтобы назвать Гоголя; нѣтъ у насъ способовъ измѣрить всѣ возможности, имъ исчерпанныя: мы еще не знаемъ, что такое Гоголь; и хотя не видимъ мы его подлиннаго, все же творчество Гоголя, хотя и суженное нашей убогой воспримчивостью, ближе намъ всѣхъ писателей русскихъ XIX столѣтія.

Что за слогъ!

Глаза у него съ пѣньемъ вторгаются въ душу, а то вытягиваются клещами, волосы развиваются въ блѣдно-сѣрый туманъ, вода—въ сѣрую пыль; а то вода становится стеклянной рубашкой, отороченной волчьей шерстью—сіяньемъ. На каждой страницѣ, почти въ каждой фразѣ переходеніе границъ того, что есть какой-то новый міръ, вырастающій изъ души въ „океанахъ благоуханій“ (Майская ночь), въ „потопяхъ радости и свѣта“ (Вій), въ „вихрѣ веселья“ (Вій). Изъ этихъ вихрей, потоповъ и океановъ, когда деревья шепчутъ свою „пьяную молвь“ (Пропавшая грамота), когда въ экстазѣ человѣкъ, какъ и птица, летитъ... „и казалось... вылетитъ изъ міра“ (Страшная мѣсть), рождались пѣсни Гоголя; тогда хотѣлось ему пѣсню свою „облечь... въ мѣсячную чудную ночь... облить ее сверкающимъ потокомъ солнечныхъ яркихъ лучей, и да исполнится она нестерпимаго блеска“ (изъ „Набросковъ“ Гоголя). И Гоголь начиналъ свое мірозданіе: въ глубинѣ души его—рождались новое пространство, какого не знаемъ мы; въ потопяхъ блаженства, въ вихряхъ чувствъ извергалась лава творчества, застывая „высоковерхими“ горами, зацвѣтая лѣсами, лугами, сверкая прудами: и тѣ горы—не горы: „не задорное ли море выбѣжало изъ береговъ, вскинуло вихремъ безобразныя волны, и онѣ, окаменѣвъ, остались неподвижными въ воздухѣ“ (Страшная мѣсть). „Тѣ лѣса—не лѣса“... „волосы, порошкіе на косматой головѣ дѣда“ (Страшная мѣсть); „тѣ луга—не луга:.. зеленый поясъ—перепоясавшій небо“ (Страшная мѣсть); и прудъ тотъ—не прудъ: „какъ безсиленный старецъ держалъ онъ

въ холодныхъ объятіяхъ своихъ далеко темное небо, осыпая ледяными поцѣлуями огненныя звѣзды...“ (Майская ночь). Вотъ какова земля Гоголя, гдѣ лѣса—борода дѣда, гдѣ луга—поясъ, перерѣзавшій небо, гдѣ горы—застывшія волны, а прудъ—старецъ безсиленный, обнимающій небо. А небо?.. Въ „Страшной мѣсти“ у Гоголя оно (небо) наполняетъ комнату колдуна, когда колдунъ вызываетъ Катеринину душу; само небо исходитъ изъ колдуна, какъ магическій токъ—такъ вотъ какое небо у Гоголя: колдовское небо; и на этомъ-то небѣ возникаетъ у него земля—колдовская земля: оттого-то лѣсъ оказывается головой дѣда, и даже изъ печной трубы „дѣлается ректоръ“; таковы же у Гоголя и дѣти этой земли—страшныя дѣти земли: это или колдунъ, или Вій, или панночка, тѣла ихъ сквозныя, сваянныя изъ облаковъ; даже свиньи на этой странной землѣ, по мѣткому наблюденію Эллиса,—„поводятъ очами“: та земля—не земля: то облачная гряда, пронизанная луннымъ сіяніемъ; замечтайся—и мечта превратитъ тебѣ облачное очертанье по волѣ твоей и въ русалку, и въ чорта, и въ градъ новый—и ты найдешь здѣсь сходство, хоть съ Петербургомъ.

Нестерпимаго блеска пѣснь Гоголя; и свѣтъ этой пѣсни создалъ ему новую, лучшую землю, гдѣ мечта—не мечта, а новая жизнь. Пѣсни его—сіянье, „какъ сквозное покрывало, ложилось легко“ (Вій) на землю, по которой ходилъ Гоголь; „да маскою дорогой и бѣлою, какъ снѣгъ, кисею“ (Страшная мѣсть) закуталъ Гоголь отъ насъ, отъ себя подлинную землю; и складки этой кисеи рождали, будто изъ облакъ сваянныя преобразенныя тѣла летающихъ панночекъ. Дѣйствительность въ первый періодъ творчества является у Гоголя часто подъ романтической вуалью изъ мѣсячныхъ лучей; потому что дѣйствительность у него подобна той дамѣ, которой наружность выносима только подъ вуалью; но вотъ срываетъ Гоголь вуаль съ своей дамы—посмотрите, во что превращаетъ дѣйствительность Гоголь: „Погонщикъ скотины испустилъ такой смѣхъ, какъ будто бы два быка одинъ противъ другого замычали разомъ“ (Вій). „Голова у Ивана Ивановича похожа на рѣдкую хвостомъ внизъ; голова Ивана Никифоровича—на рѣдкую хвостомъ вверхъ“... „У Ивана Ивановича... глаза табачнаго цвѣта, и ротъ... нѣсколько похожъ на букву ижицу; у Ивана Никифоровича... носъ въ видѣ спѣлой сливы“... „Вотъ у нашего засѣдателя вся нижняя часть лица баранья, такъ сказать... А вѣдь отъ незначительнаго обстоятельства: когда покойница рожала, подожди къ окну барань, и не легкая подстрекни его заблѣять“ (Тяжба).

Вотъ такъ дѣйствительность! Послѣ сваянныхъ изъ облачнаго

блеска тѣлъ выползаютъ у него бараньи хари, мычащія на насъ, какъ два быка, выползаютъ рѣдки съ хвостами вверхъ и внизъ, съ табачнаго цвѣта глазами и начинаютъ не ходить, а шмыгать, сѣмнить—бочкомъ-бочкомъ; и всего ужаснѣй то, что Гоголь заставляетъ ихъ изъясняться деликатнымъ манеромъ; эти „рѣдки“ подмигиваютъ табачнаго цвѣта глазками, пересыпаютъ рѣчь словечками „изволите ли видѣть“, и докладываетъ намъ о нихъ Гоголь не просто, а со странной отчаянной какой-то веселостью; у засѣдателя нижняя часть лица не баранья, а — „такъ сказать“ баранья „такъ сказать“, отъ не значительнаго обстоятельства: оттого, что въ моментъ появленія на свѣтъ засѣдателя баранъ подошелъ къ окну: ужасное „такъ сказать“. Здѣсь Гоголя называютъ реалистомъ,—но помилуйте, гдѣ же тутъ реальность: передъ нами не человѣчество, а дочеловѣчество: здѣсь землю населяютъ не люди, а рѣдки; во всякомъ случаѣ этотъ мѣръ, на судьбы котораго вліяетъ баранъ, подошедшій къ окну, пропавшая черная кошка (Стар. помѣщики), или „гусакъ“—не мѣръ людей, а мѣръ звѣрей.

А всѣ эти сѣменящіе, шныряющіе и шаркающіе Перепенки, Голопупенки, Довгочуны и Шпоньки—не люди, а рѣдки. Такихъ людей нѣтъ; но въ довершеніи ужаса Гоголь заставляетъ это звѣрьё или рѣпьё (не знаю, какъ назвать) танцевать мазурку, одолжаться табаккомъ и даже болѣе того,—испытывать мистическіе экстазы, какъ испытываетъ у него экстазъ одна изъ рѣдекъ—Шпонька, глядя на вечеряющій лучъ; и даже болѣе того: амфибіи и рептиліи у него покупаютъ человѣческія души. Но подъ какими же небесами протекаетъ жизнь этихъ существъ? „Если бы... въ полѣ не стало такъ же темно, какъ подъ овчиннымъ тулупомъ“—замѣчаетъ Гоголь въ одномъ мѣстѣ. „Темно и глухо (въ ночи) какъ въ винномъ погребѣ“ (Пропавшая грамота). Гоголь умѣлъ растворять небо восторгомъ души и даже за небомъ провидѣлъ что-то, потому что герои его собирались разбѣжаться и вылетѣть изъ міра; но Гоголь зналъ и другое небо, какъ бараній тулупъ и какъ крышка виннаго погреба. И вѣсть, едва снимаетъ онъ съ міра кисею своихъ грезъ, и вы оказываетесь уже не въ облакахъ, а здѣсь, на землѣ, какъ это „здѣсь“ земли превращается въ нѣчто подъ бараньимъ тулупомъ, а вы—въ клопа или блоху, или (еще того хуже)—въ рѣдку, сохраняемую на погребѣ.

И уже другая у Гоголя начинается сказка, обратная первой. Людей—не зналъ Гоголь. Зналъ онъ великановъ и карликовъ; и землю Гоголь не зналъ тоже—зналъ онъ „сваянный“ изъ мѣсячнаго блеска туманъ, или черный погребъ. А когда погребъ соединялъ онъ съ кипящей мѣсячною пѣной тучъ, или когда рѣдку соединялъ онъ съ существами, летающими по воздуху,—у него полу-

чалось странное какоо-то подобіе земли и людей; та земля—не земля: земля вдругъ начинаетъ убѣгать изъ-подъ ногъ; или она оказывается гробомъ, въ которомъ задыхаемся мы, мертвецы; и тѣ люди—не люди: пляшетъ казакъ—глядишь: изо рта побѣжалъ клыкъ; улетаетъ галушки баба—глядишь: вылетѣла въ трубу; идетъ по Невскому чиновникъ—смотритъ: ему на встрѣчу идетъ собственный его носъ. И какъ для Гоголя знаменательно, что позднѣйшая критика превратила Чичикова—этого самаго реальнаго изъ его героев—ни болѣе не менѣе, какъ въ чорта; гдѣ Чичиковъ—нѣтъ Чичикова: есть „нѣмецъ“ со свинымъ рыломъ, да и то въ небѣ: ловитъ звѣзды, и уже подкрался къ мѣсяцу. Гоголь оторвался отъ того, что мы называемъ дѣйствительностью. Кто-то изъ-подъ ногъ его выдернулъ землю; осталось въ немъ память о землѣ: земля человѣчества разложилась для него въ эфиръ и навозъ; а существа, населяющія землю, превратились въ безтѣлесныя души, ищущія себѣ новыя тѣла: ихъ тѣла—не тѣла: облачный туманъ, пронизанный мѣсяцемъ; или онѣ стали человѣкообразными рѣдками, выростающими въ навозѣ. И всѣ лучшія, человѣческія чувства (какъ-то: любовь, милосердіе, радость) отошли для него въ эфиръ: характерно, что мы не знаемъ, кого изъ женщинъ любилъ Гоголь, любилъ ли? Когда онъ описываетъ женщину—то или видѣнъе она, или холодная статуя съ персями, „матовыми, какъ фарфоръ, непокрытый глазами“, или похотливая баба, сѣменящая ночью къ бурсаку. Неужели женщины нѣтъ, а есть только баба, или русалка съ фарфоровыми персями, сваянная изъ облаковъ?

Когда онъ учитъ о человѣческихъ чувствахъ,—онъ резонируетъ и даже болѣе того: столоначальнику совѣтуетъ помнить, что онъ—какъ бы чиновникъ небеснаго стола, а въ николаевской Россіи провидитъ онъ какъ бы „градъ новый, спускающійся съ неба на землю“.

Радость—радуется ли Гоголь? нѣтъ, темнѣетъ съ годами лицо Гоголя; и умираетъ Гоголь со страху.

Невыразимыя, нѣжныя чувства его: уже не любовь въ любовныхъ его грезахъ—какой-то міровой экстазъ, но экстазъ невоплотимый; за то обычныя чувства людей для него—чувства подмигивающихъ другъ другу шпонекъ и рѣдекъ. И обычная жизнь—сумасшедшій домъ. „Мнѣ опротивѣла пьеса“ („Ревизоръ“),—пишетъ Гоголь одному литератору:—„я хотѣлъ бы убѣжать теперь“... „Спасите меня! Дайте мнѣ тройку, какъ вихорь коней! Садись, мой ямщикъ.. взвейтесь, кони, и несите меня съ этого свѣта! Далѣе, далѣе, чтобы не видно было ничего“... („Записки сумасшедшаго“).

Не долженъ ли Гоголь въ этомъ мѣрѣ своихъ рѣдекъ и блиста-

ющих на солнцѣ тыквѣ съ возеѣдающимъ среди оныхъ Довго-ч х у н о м ъ воскликнуть вмѣстѣ съ своимъ сумасшедшимъ: „Далѣе, далѣе—чтобы не было видно ничего?“

2.

Я не знаю, кто Гоголь: реалистъ, символистъ, романтикъ или классикъ. Да, онъ видѣлъ всѣ пылинки на бекешѣ Ивана Ивановича столь отчетливо, что превратилъ самого Ивана Ивановича въ пыльную бекешу: не увидѣлъ онъ только въ Иванѣ Ивановичѣ человѣческаго лица; да, видѣлъ онъ подлинныя стремленія, чувства людскія, столь ясно глубокие разглядѣлъ несказанные корни этихъ чувствъ, что чувства стали уже чувствами не человѣковъ, а какихъ-то еще невоплощенныхъ существъ; летающая вѣдьма и грязная баба; Шпонька, описанный какъ овощъ, и Шпонька, испытывающій экстазъ, — несоединимы; далекое прошлое человечества (звѣрь) и далекое будущее (ангельство) видѣлъ Гоголь въ настоящемъ: но настоящее разложилось въ Гоголь. Онъ — еще не святой, уже не человѣкъ. Провидецъ будущаго и прошлаго зарисовалъ настоящее, но вложилъ въ него какую-то намъ невѣдомую душу. И настоящее стало прообразомъ чего-то... но чего?

Говорятъ, реалистъ Гоголь: да. Говорятъ, символистъ онъ—да. У Гоголя лѣса—не лѣса; горы—не горы; у него русалки съ облачными тѣлами; какъ романтикъ, влекся онъ къ чертямъ и вѣдьмамъ и, какъ Гофманъ и По, въ повседневность вносилъ грезу. Если угодно, Гоголь — романтикъ; но вотъ сравнивали же эпосъ Гоголя съ Гомеромъ?

Гоголь гений, къ которому вовсе не подойдешь со школьнымъ опредѣленіемъ; я имѣю склонность къ символизму; слѣдственно мнѣ легче видѣть черты символизма Гоголя; романтикъ увидитъ въ немъ романтика; реалистъ—реалиста.

Но подходимъ мы не къ школѣ,—къ душѣ Гоголя; а страданія, муки, восторги этой души на такихъ вершинахъ человѣческаго (или уже сверхъ-человѣческаго) пути, что кощунственно вершины эти мѣрить нашимъ аршиномъ; и аршиномъ ли измѣрять высоту заоблачныхъ высотъ и трясину бездонныхъ болотъ? Гоголь — трясина и вершина, грязь и снѣгъ; но Гоголь уже не земля. Съ землей у Гоголя счеты; земля совершила надъ нимъ свою страшную м е с т ь. Обычныя для насъ чувства — не чувства Гоголя: любовь — не любовь; веселье — и очень не веселье; смѣхъ — какой тамъ смѣхъ: просто ревъ надъ бекешей Ивана Ивановича и притомъ такой ревъ, какъ будто „два быка, поставленные другъ

противъ друга, замычали разомъ“. Смѣхъ Гоголя переходитъ въ трагическій ревъ, и какая то ночь наваливается на насъ изъ этого рева: „И зареветъ на него въ тотъ день какъ бы ревъ разъяреннаго моря; и взглянетъ онъ на землю, — и вотъ тьма и горе, и свѣтъ померкъ въ облакахъ, — говоритъ Исаія (V, 30). Гоголь подошелъ къ странному какому-то рубежу жизни, за которымъ послышался ему ревъ; и этотъ ревъ превратилъ Гоголь въ смѣхъ; но смѣхъ Гоголя — колдовской; взглянетъ на землю Гоголь, разсмѣется—„и вотъ тьма и горе“, хотя солнце сіяетъ, „ряды фруктовыхъ деревьевъ, потопленныхъ багрянцемъ вишенъ и яхонтовымъ моремъ сливъ, покрытыхъ свинцовымъ матомъ“. Такъ прибираетъ поверхность земли Гоголь сказочнымъ великолѣпіемъ въ своихъ реалистическихъ разсказахъ (какъ, напримѣръ, въ „Старосвѣтскихъ помѣщикахъ“). Но за этимъ великолѣпіемъ, какъ за нѣкимъ ковромъ золотымъ, накинутымъ надъ бездной ужаса, „бездна“ по слову пророка Аввакума, для Гоголя „дала голосъ свой, высоко подняла руки свои“ (Аввакумъ III, 10). И вотъ вслѣдъ за описаніемъ мертвой жизни Аеанасія Ивановича и Пульхеріи Ивановны,—описаніи, въ которомъ, казалось бы, нѣтъ ничего таинственнаго, описаніи, въ которомъ все ясно, какъ днемъ, гдѣ жизнь ихъ озарена великолѣпіемъ идилліи, какъ залить ихъ садъ багрянцемъ вишенъ и яхонтовымъ моремъ сливъ, — даже за этимъ великолѣпіемъ золотого полудня посѣщаетъ Гоголя бездна страха, какъ и Пульхерію Ивановну посѣщаетъ бездна въ образѣ черной кошки. И тутъ же, обрывая идиллію, Гоголь намъ признается: „Вамъ, безъ сомнѣнія, когда-нибудь случалось слышать голосъ, называющій васъ по имени, который простолудины объясняютъ тѣмъ что душа стосковалась съ человѣкомъ... Я помню, что въ дѣтствѣ я часто его слышалъ... День обыкновенно въ это время былъ самый ясный и солнечный; ни одинъ листъ въ саду на деревѣ не шевелился, тишина была мертвая, даже кузнечикъ переставалъ трещать; ни души въ саду. Но признаюсь, если бы ночь самая бѣшеная и бурная, со всѣмъ адомъ стихій настигла меня одного среди непроходимаго лѣса, я бы не такъ испугался, какъ этой ужасной тишины среди безоблачнаго дня“ („Старосвѣтскіе помѣщики“). Этотъ страхъ полудня, когда земная отчетливость явленій выступаетъ съ особенной ясностью, древніе называли паническимъ ужасомъ; и въ Библии отмѣченъ ужасъ этотъ „Избавь насъ отъ бѣса полуденна“. Великій Панъ или бѣсъ (не знаю кто) изъ лѣсныхъ дебрей души подымалъ на Гоголя ликъ свой, и, ужаснувшись этого лика, Гоголь изнемогалъ въ полуденной тишинѣ среди

яхонтовыхъ сливъ, дынь, рѣдекъ и Довгочуновъ; и въ каждомъ Довгочунѣ видѣлся Гоголю Басаврюкъ, и каждый чиновникъ именно днемъ, а не ночью становился для него оборотнемъ.

Но почему же? Дневное приближеніе бездны духа къ поверхностямъ дневного сознанія, ревъ ея („и зареветъ на него въ тотъ день какъ бы ревъ разъяреннаго моря“) въ солнечной тишинѣ—обычное состояніе высокопросвѣщенныхъ мистовъ. Всѣ мистеріи начинались въ древности страхомъ (бездна развѣтывалась подъ ногами посвящаемаго въ мистеріи Египта, бездна выпускала оборотней съ псыными головами предъ посвященіемъ въ эпонты на большихъ мистеріяхъ Елевзиса) и этотъ страхъ переходилъ въ восторгъ, въ состояніе, которое являетъ міръ совершеннымъ и которое Достоевскій называетъ „минутой вѣчной гармоніи“—минутой, въ которую испытываешь перерожденіе души тѣла, и она разрѣшается подлиннымъ преображеніемъ (Серафимъ), подлиннымъ безуміемъ (Ницше), или подлинной смертью (Гоголь). Да: въ образахъ своихъ, въ своемъ отношеніи къ землѣ Гоголь уже перешелъ границы искусства; бродилъ въ садахъ своей души, да и набрелъ на такое мѣсто, гдѣ уже садъ не садъ, душа не душа; углубляя свою художественную стихію, Гоголь вышелъ за предѣлы своей личности и вмѣсто того, чтобы использовать это расширеніе личности въ цѣляхъ искусства, Гоголь кинулся въ бездну своего второго „я“—вступилъ на такіе пути, куда нельзя вступать безъ опредѣленнаго оккультно разработаннаго пути, безъ опытнаго руководителя; вмѣсто того, чтобы соединить эмпирическое „я“ свое съ „я“ мировымъ, Гоголь разорвалъ связь между обоими „я“ и черная бездна легла между ними; одно „я“ ужасалось созерцаніемъ шпонецъ и рѣдекъ, другое „я“ летало въ неизмѣримости мировъ—тамъ за небеснымъ сводомъ; между обоими „я“ легло мировое пространство и время билліонами верствъ и билліонами лѣтъ. И вотъ, когда наступалъ зовъ души („вамъ, безъ сомнѣнія, случалось слышать голосъ, называющій васъ по имени, который... объясняютъ тѣмъ, что душа стосковалась съ человѣкомъ) — когда наступалъ этотъ зовъ, черная бездна пространства и лѣтъ, раздѣлявшая оба „я“ Гоголя, разрывала передъ нимъ покровъ явленій и онъ слышалъ „какъ бы ревъ разъяреннаго моря“. „Признаюсь, если бы ночь, самая бѣшеная и бурная, со всѣмъ адомъ стихій настигла меня среди... лѣса, я бы не такъ испугался“—вздыхаетъ Гоголь; оттого-то метался онъ безвыходно—все искалъ посвященнаго въ тайны, чтобы тотъ спасъ его, и напалъ на о. Матвѣя; что могъ сдѣлать о. Матвѣй? Онъ не могъ понять Гоголя. Самый кроткій и доброжелательный человѣкъ, не глядящій туда, куда глядѣлъ Гоголь, могъ бы лишь погубить его. Гоголь взлетѣлъ на крыльяхъ экстаза, и

даже вылетѣлъ изъ міра, какъ безумная пани его, Катерина, которая „летѣла... и казалось... вылетитъ изъ міра“. Вылетѣла, и сошла съ ума, какъ вылетѣлъ Гоголь уже тогда, когда кричалъ устами своего сумасшедшаго: „Несите меня съ того свѣта. Далѣе, далѣе, чтобы не видно было ничего“. Далѣе — по слову Исаи: „И вотъ — тьма, горе и свѣтъ померкъ въ облакахъ“. (V, 30). Гоголю слѣдовало бы совершить паломничество къ фоліантамъ Беме, къ древнимъ рукописямъ востока: Гоголю слѣдовало бы понять прежде всего, что тому, въ чемъ онъ, есть объясненія; тогда понялъ бы онъ, что, быть можетъ, найдутся и люди, которые могутъ исправить страшный вывихъ души его; но у Гоголя не было терпѣнія и зчатъ, и потому-то искалъ онъ руководителя вовсе не тамъ, гдѣ слѣдовало; не изучалъ Гоголь восточной мистической литературы—не изучалъ вообще ничего: хотѣлъ „дернуть“ исторію Малороссіи, эдакъ томовъ шестнадцать. Между тѣмъ, Фалесъ и Платонъ путешествовали въ Египетъ: въ результатъ ученія Платона объ идеяхъ и душѣ—той душѣ, которая, стосковавшись съ тѣломъ, зоветъ человѣка (и Гоголь этотъ зовъ слышалъ). Ученіе Платона—только внѣшнее изложеніе мудрости Тота-Гермеса; оно опирается на мистеріи, какъ опирается на Іогу ученіе нѣкоторыхъ школъ Индіи объ Алайѣ (душѣ міра, съ которой соединяетъ свое „я“ посвященный). Душа стосковалась по Гоголю; Гоголь стосковался по душѣ своей, но бездна легла между ними: и свѣтъ для Гоголя померкъ. Гоголь зналъ мистеріи восторга, и мистеріи ужаса—тоже зналъ Гоголь. Но мистеріи любви не зналъ. Мистерію эту знали посвященные; и этого не зналъ Гоголь; не зналъ, но заглядывалъ въ сокровенное.

Восторгъ его—дикій восторгъ; и вдохновеній сладость — дикая сладость: и уста—не улыбаются, а „усмѣхаются смѣхомъ блаженства“. Пляшетъ казакъ — и вдругъ „изъ рта выбѣжалъ клыкъ“ (Стр. мѣсть.) „Рубины устъ прикипаютъ кровью къ самому сердцу“ (не любовь—вампиризмъ какое то). Во всемъ экстазѣ, преображающемъ и Гоголя, и міръ („травы казались дномъ какого-то свѣтлаго... моря“ (Вій)—во всемъ этомъ экстазѣ „томительное, непріятное и вмѣстѣ сладкое чувство (Вій), или „пронзающее, томительное сладкое наслажденіе“ (Вій)—словомъ, „бѣсовски сладкое“ (Вій), а не божественно сладкое чувство. И оттого преображенный блескъ природы начинаетъ пугать; и „Днѣпръ“ начинаетъ серебриться „какъ волчья шерсть“ (почему „волчья“?). А когда преображается земля, такъ что измѣняются пространства (подъ Кіевомъ „засинѣлъ Лиманъ, за Лиманомъ... Черное море...

Видна была земля Галичская), почему „дыбомъ поднимаются волосы“, а „бѣсовски сладкое“ чувство разрѣшается тѣмъ, что конь заворачиваетъ морду, и—чудо!—смѣется? Не мистеріей любви разрѣшается экстазъ Гоголя, а дикой пляской; не въ любви, а въ пляскѣ безумія преобразается все: подлинно—въ заколдованномъ мѣстѣ Гоголь: „и пошелъ... вывертывать ногами по всему гладкому мѣсту... сзади кто-то засмѣялся. Оглянулся: ни баштану, ни чумаковъ, ничего... вокругъ провалы; подъ ногами круча безъ дна; надъ головой свѣсилась гора... изъ за нея мигаетъ какая-то харя“ (Заколдованное мѣсто). Душа позвала человека — восторгъ, пляска: а въ результатѣ: круча безъ дна да какая-то харя. И только? Такъ всегда у него: Хома Вруть то же пошелъ писать съ панночкой на спинѣ, а потомъ ревъ: „приведите Вія“. И Вія, духъ земли, которую оклеветалъ Гоголь, указываетъ на него „вотъ онъ“; и превращенные Гоголемъ въ нечистей люди бросаются на Хому-Гоголя; и убиваютъ его; это потому, что имѣлъ Гоголь видѣніе, Ликъ, но себя не преобразилъ для того, чтобъ безнаказанно видѣть Ликъ, слушать зовъ Души любимой, чей голосъ по слову Откровенія „подобенъ шуму водъ многихъ“; этотъ шумъ сталъ для Гоголя „ревомъ“, блескъ преображенія—„волчьей шерстью“, а Душа—„Вѣдьмой“. Обратни вмѣстѣ съ Гекатой не трогали посвящаемыхъ въ Мистеріи, выходя изъ элевзинскаго храма. И они грызли Гоголя, какъ грызли мертвецы колдуна. И Ликъ, видѣнный Гоголемъ, не спасъ Гоголя: этотъ Ликъ сталъ для него „садникомъ на Карпатахъ“. Онъ него убѣгалъ Гоголь: „Въ облакъ передъ нимъ свѣтилось чье-то Чудное лицо. Непрошенное, незванное, явилось оно къ нему въ гости... И страшнаго, кажется, въ немъ мало, а непреодолимый ужасъ напалъ на него“ (Страшная мечь). И въ ясный солнечный день Гоголь дрожалъ, потому что казалось ему, что „мелькастъ чья-то длинная тѣнь, а небо ясно, и тучи не пройдутъ по немъ“ (Стр. Мечь). Это—тѣнь чуднаго лица, которое, не смотря на то, что оно—чудное, ужасало Гоголя всю жизнь: это потому, что мосьт любви, преобразующій землю, рухнулъ для Гоголя и между Ликомъ Небеснымъ и имъ образовалась черная, ревушая бездна, которую занавѣсилъ Гоголь смѣхомъ, отчего смѣхъ превратился въ ревъ, „какъ будто два быка, поставленные другъ противъ друга, заревѣли разомъ“. Бездны боялся Гоголь, но смутно помнилъ (не сознаниемъ, конечно), что за „бездной этой“ (за миллиардами верстъ и лѣтъ) милый голосъ, зовущій его: не пойти на зовъ не могъ Гоголь: пошелъ—и упалъ въ бездну: мосьт любви рухнулъ для него, а перелетѣть черезъ бездну не могъ Гоголь; онъ влетѣлъ въ нее, вылетѣвъ изъ міра

(какъ могли влетѣть въ бездну неопиты, проходящіе испытанія). Гоголя удручаетъ какое-то прошлое, какое-то предательство земли—грѣхъ любви (не даромъ мы ничего не знаемъ объ увлеченіяхъ этой до извращенности страстной натуры). „Спасите меня!.. И несите съ этого свѣта! Далѣе, чтобы не видно было ничего“. Ничего: ни шпонекъ, ни земли, ни Лика.

„Божественная ночь! Очаровательная ночь! (Майская ночь). Знаете ли вы украинскую ночь? О, вы не знаете украинской ночи“,—восхищается Гоголь. И подлинно: многіе ли знаютъ такія ночи, когда воды превращаются въ сверкающую „волчью шерсть“, а травы кажутся „дномъ... какого-то свѣтлаго моря“? И все же чудится намъ, что этотъ восторгъ и радость эта—„къ худу“: и всѣ такія ночи худо кончались для Гоголя. Наконецъ, Гоголь не захотѣлъ уже ни дней съ зовомъ, ни ночей съ волчьей шерстью; закричалъ: „Далѣе! Далѣе, чтобы не видно было ничего“.

Любитъ Гоголь Россію, страну свою; какъ любовникъ любимую, ее любитъ Гоголь: „Русь! Чего ты хочешь отъ меня! Какая непостижимая связь таится между нами?“ (Мертвая душа). Какую-то невѣдомую никому Россію любитъ Гоголь: любитъ Гоголь Россію странной любовью: она для него—какъ для колдуна дочь его, Катерина; надъ ней колдуетъ Гоголь: „Что глядишь ты такъ?.. Неестественной властью освѣтились мои очи“... Что затонъ, что за ревнивая властность—Гоголь заклинаетъ Россію; она для него—образъ всю жизнь невѣдомой ему, и все же его любовницы. Не той ли же властью свѣтятся очи Гоголя, какой освѣтились очи старика-отца въ „Страшной мести“: „чуденъ показался ей (Катеринѣ, или Россіи?) странный блескъ очей“... „Посмотри, какъ я поглядываю очами“,—говоритъ колдунъ, являясь во снѣ дочери. „Посмотри, какъ я поглядываю на тебя очами“,—какъ бы говоритъ Гоголь, являясь намъ во снѣ русской жизни (русская жизнь—самый удивительный сонъ): „Сны много говорятъ правды“ (Страшная мечь). И какую-то вѣщей, едва уловимой во снѣ правдой обращается Гоголь къ спящей еще доселѣ, землѣ русской. „Русь!.. Нокакая-же непостижимая тайная сила влечетъ къ тебѣ?.. Какая непостижимая связь таится между нами?.. Неестественной властью освѣтились мои очи“... Непостижимо, неестественно связанъ съ Россіей Гоголь, быть можетъ, болѣе всѣхъ писателей русскихъ, и не съ прошлой вовсе Россіей онъ связанъ, а съ Россіей сегодняшняго, и еще болѣе завтрашняго дня.

Развѣ не сонъ все, что происходитъ съ нами, съ землей нашей родиной; еще недавно страннымъ блескомъ озарилась страна род-

ная, такъ что изъ Москвы стали видны и Лиманъ, и Черное море, и всадникъ невѣдомый. А теперь, даже въ солнечный день, когда и тучъ нѣтъ, чья-то мелькаетъ страшная тѣнь: тѣнь ужасной, изъ глубины души, изъ глубины земли идущей провокаціи. Все стало странно и непонятно; и страна наша въ смертельной тоскѣ; и здѣсь и тамъ идетъ дикая пляска страннаго веселья, страннаго забвенья. И какъ горы Карпатскія тучи бѣдъ нависаютъ надъ нами: на горахъ тѣхъ—мститель невѣдомый. И странный въ глубинѣ души поднимается вопль: Русь! Чего ты хочешь отъ насъ? Что зоветъ и рыдаетъ, и хватается за сердце?.. Не знаемъ... А что-то зоветъ и рыдаетъ: и хватается за сердце.

Предъ завѣсою будущаго мы, словно неопиты предъ храмомъ: вотъ разорвутся завѣсы храма—что глянетъ на насъ: Геката и призраки? Или Душа нашей родины, Душа народа, закутанная въ саванъ?

Гоголь прежде всѣхъ подошелъ къ мистеріи этой; и всталъ предъ нимъ мертвецъ. Умеръ Гоголь.

А теперь мы стоимъ предъ тѣмъ же видѣніемъ—видѣніемъ Смерти. И потому-то видѣніе Гоголя ближе намъ всего, что было сказано о насъ и о родинѣ нашей. Мы должны помнить, что покрывало Смерти спадетъ лишь тогда, когда мы души наши очистимъ для великой мистеріи: мистерія эта—служеніе родинѣ, не только въ формахъ, но въ духѣ и истинѣ. Тогда спадетъ съ нея саванъ, явится намъ душа наша, родина.

3.

Касаясь Гоголя, невозможно не сказать хотя бы двухъ словъ о его слогѣ. Можно написать многотомное изслѣдованіе о стилѣ и слогѣ гоголевскихъ твореній. И какъ реализмъ Гоголя слагается изъ двухъ сказокъ о дочеловѣческой и сверхчеловѣческой землѣ, такъ и естественная плавность его слога слагается тоже изъ двухъ неестественностей: Она слагается изъ тончайшей ювелирной работы надъ словомъ и при томъ такой, что остается совершенно непонятнымъ, какъ могъ Гоголь, нагромождавшій чудо техническаго искусства на чудѣ, такъ что ткань его рѣчи—рядъ техническихъ фокусовъ—какъ могъ Гоголь именно при помощи этихъ фокусовъ выражать экстазъ души живой? Такова одна сторона гоголевской стилистики, переживаемая подчасъ грубымъ (даже не грамматическимъ) оборотомъ рѣчи или совершенно грубымъ, нелѣпымъ и даже пошлымъ приемомъ. Такіе ничего не говорящіе эпитеты, какъ „чудный“, „роскошный“, „очаровательный“, пестрятъ слогъ Гоголя и

сами по себѣ ничего не выражаютъ; но въ соединеніи съ утонченнѣйшими сравненіями и метафорами придаютъ особое обаяніе слогу Гоголя. Кто не помнитъ поразительной повѣсти о капитанѣ Копѣйкинѣ; по потрудитесь взглянуть, въ чемъ техническій фокусъ этого приема: совершенно банальное изложеніе злоключеній несчастнаго капитана перебивается буквально черезъ два слова вставкой выраженій „изволите ли видѣть“, „такъ сказать“ и т. д.

Именно этимъ грубымъ приемомъ достигаетъ Гоголь ослѣпительной выразительности. Слогъ Гоголя одновременно и докультурный и вмѣстѣ съ тѣмъ слогъ Гоголя превосходитъ въ своей утонченности не только Уайльда, Рембо, Сологуба и др. „декадентовъ“, но и Ницше подчасъ.

Всѣ тѣ приемы, которые характеризуютъ лучшихъ стилистовъ нашего времени (именно какъ стилистовъ нашего времени), налицо у Гоголя.

Во-первыхъ, обиліе аллитерацій въ прозѣ.

„Свѣтлый серпъ свѣтилъ“ (Вій). „Вихрь веселья“ (Вій). „Усмѣхнуться смѣхомъ“ (Вій) (здѣсь аллитерація соединяется съ усиленіемъ глагола „усмѣхнуться“ существительнымъ: „смѣхомъ“). „Въ ея чертахъ ничего не было тусклаго, мутнаго, умершаго“ (Вій). (Здѣсь „ту“ „ут“ и одновременно „му“ „ум“). „Какъ клокотанье кипящей смолы“ (Вій). „Круглый и крѣпкій станъ“ (Вій). „Костяныя когти“ (Вій). „Отрыгавались“ (Страшная мѣсть) и т. д.

Во-вторыхъ изысканность разстановки словъ.

1) Раздѣленіе существительнаго отъ прилагательнаго вставочными словами; нѣкоторые наивные критики вмѣняютъ въ вину такому тонкому стилисту, какъ Сологубъ, то, что онъ пользуется этимъ, якобы модернистическимъ приемомъ („тяжелыя на его грудь положили лапы“). А вотъ вамъ наудачу изъ Гоголя: „Поглощенные ночью мракомъ дуга“ (Вій). „Блестѣли золотыя главы вдали кievскихъ церквей“ (Вій). (Вмѣсто: „вдали блестя“). „Онъ не утерпѣлъ, уходя, не взглянуть“ (Вій). „Страшную муку, видно, терпѣлъ онъ“ (Стр. мѣсть). (Вмѣсто: „Онъ, видно, терпѣлъ страшную муку“) и т. д.

2) Сложные эпитеты также употреблялъ Гоголь въ изобиліи: „бѣлопрозрачное небо“, „сутозолотая парча“, „длинношейный гусь“, „высоковерхія горы“.

3) Иногда эпитеты эти дерзки до чрезвычайности: „оглохлыя стѣны“, „поперечивающее себѣ чувство“, „ключевой холодъ“ и т. д.

4) Характерны глаголы Гоголя; въ употребленіи ихъ мы ума-триваемъ самый откровенный импрессионизмъ: „Перси просвѣ-

чивали" (Вій), „Сіяніє дымилось“, „Вопли... сдва звенѣли“, „Голосъ одиноко сыпался“, „Слова... всхлипывали“, „Валится... вода“, „Холодъ прорѣзался въ казацкія жилы“, „Сабли... звукнули“, „Запироваль пиръ“, „Шумить, гремитъ конецъ Кісва“, „Гора за горой... обковывають землю“, „Очи выманиваютъ душу“, „Перепель... гремитъ“. „Пламя... выхватилось“ и т. д.

5) Я не говорю уже о сравненіяхъ Гоголя; иногда цѣлыми страницами идетъ описаніе того, съ чѣмъ сравнивается предметъ, который иной разъ вовсе не описанъ. Я не стану утруждать вниманіе примѣрами. Достаточно привести одну фразу: „Слышался шумъ (какой же шумъ?)... Будто вѣтеръ“ (1-я степень опредѣленія шума); но не просто вѣтеръ, а „вѣтеръ въ тихій часъ вечера“ (2-я степень опредѣленія); этотъ „вѣтеръ“—„наигрываль, кружась, по водному зеркалу“ (3-я степень опредѣленія шума) и не просто „вѣтеръ наигрываль, кружась“, а—„нагибая еще ниже въ воду серебрянныя нвы“ (4-я степень опредѣленія). Съ одной стороны—„шумъ“, а съ другой стороны тончайшій анализъ (какой именно шумъ). Никто послѣ Гоголя не выбиралъ такихъ изысканныхъ сравненій. Характерна для Гоголя трехчленная форма сравненія: „Тѣ дуга (1) — не дуга (2): то—зеленый поясъ“ (3) и т. д.

6) У Сологуба характерно скопленіе многихъ глаголовъ, существительныхъ, прилагательныхъ; у Гоголя тоже: „Степь краснѣетъ, синѣетъ, горитъ цвѣтами“ (Иванъ Федоровичъ Шпонька). Или: „Перепелы, дроффы, чайки, кузнечики, тысячи насѣкомыхъ, и отъ нихъ свистъ, жужжаніе, трескъ, крикъ, и вдругъ стройный хоръ“. (Тамъ же). Пошли писать версты, станціонные смотрители, колодцы, обозы, сѣрыя деревни, съ самоварами, бабами“... (Мертвыя души) „Городишки... съ лавченками, мучными бочками, калачами... Зеленыя, желтыя и свѣже-разрѣзаныя черныя полосы...“ (Мертвыя души) и т. д.

7) Особенно характерно для Гоголя повтореніе одного и того же слова, параллелизмы и полупараллелизмы (иногда замаскированные): „Въ старину любили хорошенько поѣсть, еще лучше любили попить, а еще лучше любили повеселиться (Стр. мѣсть). „Пироваль до поздней ночи и пироваль такъ, какъ теперь ужъ не пируютъ“ (Стр. мѣсть). „Изъ-за лѣса чернѣлъ земляной валъ, изъ-за вала подымался старый замокъ“ (здѣсь параллелизмъ выдержанъ до конца). „Подъ потолкомъ мелькаютъ нетопыри... и тѣнь отъ нихъ мелькаетъ по стѣнамъ“ (замаскированный параллелизмъ).

8) Иногда разстановка словъ или параллелизмъ достигаютъ необычайной утонченности: „Снилось мнѣ, чудно, право, и такъ живо, снилось мнѣ“. (Страшная мѣсть). „Блеснулъ день, но не солнечный: небо хмурилось и тонкій дождь сѣялся на поля, на широкой Днѣпръ. Проснулась пани Катерина, но не радостна: очи заплаканы, и вся она смутна и неспокойна“. (Здѣсь двойной параллелизмъ формы и смысла: параллель въ расположеніи фразъ и одновременно параллель между погодой и состояніемъ души пани Катерины: „Блеснулъ день“—„проснулась пани Катерина“; „не солнечный день“—„не радостна“; „небо хмурилось“—„очи заплаканы“; „и тонкій дождь сѣялся“—„и вся она смутна“) или: „Мужъ мой милый, мужъ дорогой“ (пропускъ мѣстоименія „мой“ усиливаетъ лиризмъ фразы) и т. д.

9) Иногда параллелизмъ у Гоголя только подразумевается: „А изъ окошка далеко блестятъ горы и Днѣпръ; за Днѣпромъ синѣютъ лѣса... Но не далекимъ небомъ и не синимъ лѣсомъ любитъ панъ Данило (фигура наростанія): глядитъ онъ на выдавшійся мысъ“... („Страшная мѣсть“).

10) Иногда изысканность формы переходитъ въ предѣлы, и вотъ тогда-то ударитъ по нашимъ нервамъ Гоголь намѣренно банальной риторикой: „Божественная ночь! Очаровательная ночь“. Но странно: именно эта риторика послѣ тончайшихъ красочныхъ сочетаній, послѣ тончайшихъ изгибовъ фразы загорается невѣроятнымъ блескомъ совершенства, и намъ начинаетъ казаться, что нѣтъ ничего проще, естественнѣй прозы Гоголя; но то — обманъ.

Я не могу перечислить здѣсь и сотой части всѣхъ тѣхъ сознательныхъ ухищреній, къ которымъ прибѣгаетъ стилистика Гоголя. Знаю только одно: въ стилистикѣ этой отражается самая утонченная душа XIX столѣтія. Нечеловѣческія муки Гоголя отразились въ нечеловѣческихъ образахъ; а образы эти вызвали въ творествѣ Гоголя нечеловѣческую работу надъ формой.

Быть можетъ, Ницше и Гоголь — величайшіе стилисты всего европейскаго искусства, если подъ стилемъ разумѣть не слогъ только, а отраженіе въ формѣ жизненнаго ритма души.

А н д р е й Б ѣ л ы й.